

"Стой!"

пучи

Кунай был безжалостно вонзен в сердце Учихи Мины. И почти в то же время два охраняющих ниндзя бросились на Учиху Тонана и приставили свои кунаи к его шее.

"Проклятье!"

Яманака Хаякава посмотрел на железную кровать с уродливым выражением лица. Он крикнул Яманаке Риочи, который, пошатываясь, подошел к двери.

"Немедленно сообщи Такуя-сама".

Яманака Рёчи только что очнулся от гендзюцу. Он все еще не понимал, что произошло. Когда его сознание прояснилось, он бросился к выходу.

Хе-хе...

В этот момент Тонан издал жалкий смешок, и из его глаз хлынули кровавые слезы. Не обращая внимания на кунай на шее, он поднес губы ко лбу Мины и нежно поцеловал ее.

"Мина... Я люблю тебя..."

В этот момент вошел и Яманака Такуя, услышавший переполох. Увидев хаос в комнате для допросов, он удивился и спросил "Что здесь произошло?".

Хаякава поспешно ответил: "Такуя-сама, мы начали зондирование памяти..."

Выслушав последовательность событий, Такаю тоже замолчал. Он посмотрел на Тонана, глаза которого были наполнены безутешным горем, и сказал: "Отдайте мне запись памяти, и все вы уходите".

"Да."

Тонан проигнорировал Такуя и расстегнул металлические кольца, связывавшие Мину. Осталась только повязка на глазах. Он поднял ее тело и с опустошенным видом вышел на улицу.

"Подожди..." Такуя хотел остановить его, но он отдернул руку, прежде чем она достигла половины пути, и вздохнул: "Иди".

Тонан посмотрел на Такую с тусклым лицом и сказал хриплым голосом: "Спасибо".

Он повернулся и ушел шатающимися шагами. Глядя на Тонана, Такуя почему-то почувствовал грусть.

"Ты уже можешь так искусно использовать Шаринган. Даже два чуунина не смогли остановить тебя... такие способности..."

Такуя прищурил глаза и посмотрел на пластинку в своих руках.

"Пусть Хокаге-сама примет решение".

Покинув Отдел пыток и допросов, Тонан не пошел сразу на кладбище. Он также не пошел в клан. Вместо этого он выбрал обходной путь и прошел по оживленным торговым улицам Конохи.

Как можно было не найти зрителей для такой сцены?

По пути люди указывали на него. Стражники хотели выйти вперед и задать вопросы, но их остановил АНБУ, которого разогнал Сарутоби Хирузен.

"Куда он идет?" В кабинете Хокаге Хирузен размышлял, глядя на хрустальный шар перед собой.

Текущее состояние Тонана было далеко не лучшим. Всего за три месяца он потерял брата по клану, обоих родителей, одноклассника и свою девушку. Семейная любовь, дружба и любовь - ничего не осталось позади.

Если бы на его месте был любой другой ребенок, он бы точно стал темным. Даже если бы этого не произошло, он бы впал в уныние.

"Будет трудно справиться с этим, почему я не подумал об этом раньше? Я должен был сделать что-то, чтобы защитить эту девушку. Тонан, надеюсь, ты не подведешь меня".

Тонан отнес труп Мины, подошел к качелям возле Академии Ниндзя и сел там. В темноте было довольно много АНБУ, наблюдающих за ситуацией.

"Мина, здесь мы впервые встретились. Без тебя я тоже не планирую здесь больше оставаться. В конце семестра я подам заявление о досрочном выпуске. Хочешь осмотреться в последний раз?".

Тонан протянул руку и осторожно потянул Мину за повязку.

Под повязкой глаза Мины были широко раскрыты от страха.

"Умерла с обидой? Тогда не смотри, иначе ты можешь напугать других!".

Тонан притворился, что всхлипывает, проследил за рукой, стягивавшей повязку, и вытер слезы с уголков глаз.

Затем он вынес труп Мины и отправился на кладбище для погребения. Похоронив любимую девушку, он простоял на коленях всю ночь.

Возможно, это было связано с тайным приказом Хирузена, но за все время, пока он там находился, никто не пришел его потревожить. В конце концов, это было время, когда Тонан был наиболее слаб и больше всего нуждался в плаче.

Это также было лучшее время, чтобы воспользоваться пустотой и войти в его сердце. Как мог Хирузен оставить такой великолепный шанс другим? Когда ранний свет осветил небо, Хирузен подошел к Тонану.

"Тонан, возьми себя в руки. Мина определенно не хотела бы видеть тебя в таком состоянии".

Услышав голос Хирузена, Тонан повернулся и встал. Он заставил себя улыбнуться и сказал: "Да, Мина всегда говорила, что ей нравятся зрелые и спокойные люди, я не могу плакать... не могу плакать...".

Пока он говорил, слезы грозили пролиться наружу. Он вытер их руками и объяснил: "Пыль попала мне в глаза".

Глядя на него таким образом, Хирузен вздохнул. Он нежно погладил Тонана по волосам и сказал: "Увы... ты многое пережил и слишком много потерял за короткое время. Но у тебя есть деревня и я. И многие, многие люди заботятся о тебе".

"Теперь ты молод. Деревня защитит тебя. Я тоже буду защищать тебя. Когда ты вырастешь, мы будем полагаться на тебя в защите деревни".

Тонан был поражен, услышав его слова. Он уставился на Хирузена кристально чистыми глазами и пробормотал: "Хокаге-сама...".

"Тонан..."

"Хокаге-сама..." Наконец, не в силах сдерживать свои чувства, Тонан обнял Хирузена и заплакал, как ребенок, который слишком много страдал. Хирузен посмотрел на скорбящего Тонана, и его глаза сузились. Никто не знал, о чем он думает.

У Тонана, который обильно плакал, в голове сейчас крутилось множество мыслей.

"Почему так трудно добиться признания этого старика? Кроме этих родителей, все дети, чье признание у меня есть. В этой системе также нет шкалы прогресса. Это действительно боль".

Так прошло некоторое время. Солнце уже поднялось из-за скалы Хокаге. На них падал золотой солнечный свет, сопровождаемый зелеными листьями, развевающимися на ветру. Сцена была гармоничной и мирной.

Тонан заметил, что время почти вышло, и высвободился из объятий Хирузена. Он глубоко вздохнул. Стараясь выглядеть бодрым, он сказал: "Хокаге-сама, спасибо. Я встану на ноги и буду защищать нашу деревню".

Видя, что Тонан больше не слишком печален, Хирузен почувствовал облегчение.

"Нет уныния и омрачения. Это лучше, чем я ожидал".

Он показал добрую и теплую улыбку и сказал: "Сможешь ли ты отправиться в академию вовремя? Или я должен одобрить для тебя однодневный отпуск?".

"Я буду в порядке".

"Все ли хорошо в школе и дома..."

Они покинули кладбище, болтая о повседневных делах Тонана. Только дойдя до перекрестка торговых улиц, они разошлись.

То, что произошло вчера, уже стало виноградной лозой. Когда Тонан возвращался домой, люди вокруг него говорили шепотом, изредка показывая на него.

Тонан, как объект сплетен, не имел своего мнения. В любом случае, он был невинным, убитым горем человеком во всем этом.

Почувствовав что-то, глаза Тонана слегка сузились. Однако вскоре выражение его лица снова стало спокойным. Прямо к нему шел человек с очень бледной кожей и длинными волосами.

"Смотрите, смотрите, Орочимару-сама, один из трех саннинов".

"Орочимару-сама."

"Орочимару-сама."

Люди вокруг последовательно приветствовали друг друга, глядя на человека с благоговением. Орочимару спокойно кивнул им в ответ. Прошло всего несколько лет после окончания второй войны, и саннины были гордостью всей Конохи.

Когда Орочимару оказался перед Тонаном, тот положил руки на колени, поклонился, демонстрируя такое же почтение, и сказал: "Орочимару-сама".

Орочимару не обратил на Тонана никакого особого внимания. Он просто кивнул, как и остальным, и оба прошли мимо.

Однако, когда Орочимару прошел небольшое расстояние, его змеиные глаза сузились. Интуиция подсказывала ему, что за ним кто-то шпионит. Он остановился и повернулся, чтобы посмотреть. Но на широкой и длинной улице он не увидел ничего необычного.

"Неужели это было заблуждение?" Орочимару перепроверил, и, убедившись, что ничего необычного нет, ушел.

Как только Орочимару исчез за поворотом улицы, Тонан снял маску утки. Еще мгновение назад, когда он пронесся мимо Орочимару, он почувствовал особую, знакомую чакру.

Поэтому он использовал Бьякуган, чтобы наблюдать. В сумке ниндзя Орочимару лежала запечатанная пробирка, в которой находилась пара Шаринганов, погруженных в какую-то жидкость.

"Неужели это уже началось? Похоже, мне нужно быть осторожнее. Я не должен их привлекать".

"Молодой человек, эта маска делает вас очень красивым".

"Спасибо, но я не буду ее покупать". Тонан улыбнулся продавцу и положил маску обратно на полку.

<http://tl.rulate.ru/book/72160/2099166>